

ВСЕГДА С НАМИ

ГЛАВНЫЙ вопрос: если бы не Ленин, была бы ли я на свете?

Вряд ли бы удалось моей будущей матери Клавдии Андреевне вырваться из обычного при царизме насильного брака, не подоспел вовремя Советская власть с ее законом, охраняющим право женщины любить и ненавидеть. Закон стал на ее сторону, и, оставив навязанному родителями немилому супругу свое приданое, она вернулась под отцовский кров.

Родителям — Андрею Васильевичу и Екатерине Михайловне Копыловым, безлошадным крестьянам глухого района Архангельской губернии, не очень по душе пришлось поступок своевольной дочери: кроме нее, в семье было еще четверо. Да ладно бы парни, а то ведь паренят только один. За старого вдовца, за зеленого несмышлянища рады были поскорее замуж выдать. Лишь бы кто посватался, где уж тут выбирать...

Молоденькая Клавдия, отлично закончившая четыре класса церковно-приходской школы, мечтала о продолжении учебы. Об этом же не раз толковала ее учительница Александра Георгиевна. Но семья росла за счет девочек, на которых не полагалось земли. Старшим дочерям приходилось выполнять и мужскую работу.

Натуральное крестьянское хозяйство требовало максимум усилий, чтобы сводить концы с концами. Обработать не щедрую на отдачу северную землю, посеять и вырастить хлеб, обмолотить его, просушить, смолотить и, наконец, испечь. Вырастить, прибрать и обработать лен, напрясть из кудели ниток и соткать холст прежде, чем шить рубаху, — сколько же на все это надо было и рук, и времени?..

«Помню, боронила нашу полосу верхом на соседской лошади, — слышится мне голос матери. — Птичка выпорхнула — конь скачил через хану, меня дугой по переносью. Не знаю, как дома оказалась. Тятя, видно, привез. А зимой он брал меня с собой колодцы копать. По деревьям ходили, неделями дома не бывали. Он копает, я землю вытаскиваю...»

Учиться дальше ей не пришлось. Прожив некоторое вре-

ИСТОКИ

Ленин и эпоха сопоставимы, соизмеримы. Но Ленин и ты? Высоковольтный юпитер великого имени, без малого век владе-

ющий умами людей планеты, направлен на тебя... И в лучах его все ложное испепелится. Выдержит только правда.

мя в семье как бы отрезанным ломтем, вновь вышла замуж за посватавшегося к ней Александра Фокина. Парня из не завидной стороны, про которую пели частушки: «Не ходите в Ергу замуж, комарам лицо кормить...»

Пошла. На большую семью. Тоже преимущественно женскую. Полу не намоешься, хлеба не напечешься. Муж своих родителей уважал, поперек слова не молвил. Но и жене худого не делал: добрый, ласковый, работящий. До сих пор в памяти односельчан далекие сенокосные расчистки деда: не одна коса была поломана. И теперь ничего путного не могут взять с заречной полоски, выделенной когда-то обществом в дедово пользование. Мелиораторы брались было за нее, но так и отступились, вывернув наружу ольховые да осиновы корни: сырая, тяжелая глина, влага, сочащаяся к реке из лесу поперек полосы — что тут вырастет? А семья отца и с нее кормилась. Главное, было бы согласие.

Согласие поддерживалось. И все-таки в душе молодых жила мечта отделаться, захватить своим домом. Решились, съездили на заработки за Архангельск, на биржу «Сехолес». На полученные деньги поставили избу на краю родной деревни, и долгоданный первенец огласил своим криком сосновые гладкоштукатуренные стены с мхом в пазах, со смолкой в щелях.

А тут вскоре и колхозы начали создавать. Оба были активистами этого дела. Мать особенно, так как книжки читала, брала их у грамотного соседа, на собраниях бывала. Отца скоро поставили бригадиром в колхозе «Новый Север». И мать, чем могла, помогала ему. В хозяйстве он толк знал. Заботливый был, совестливый, с утра до ночи на полях. Мать ездила в район на курсы оводителей и рада была доверию, оказанному правлением.

Парадокс: семья родителей была по существу женскими, наша же семья, начавшаяся сыном, через год-два пополня-

лась новым мальчиком. К той поре, когда я появилась на свет, у меня уже было четыре брата...

Помнится золотое, довоенное: синие глаза отца светятся добротой, нежностью, улыбкой. Он несколько раз подбрасывает меня к высокому потолку, потом подносит к огромной бочке, полной теплой воды (собрались мыть избу — потолок, стены, пол) и я радостно болтаю ножонками в этой удивительной благодати... И еще: мать достает из печи горячие круглые хлебы, отец отрезает от одного «мягкого» ломоть, намазывает его ароматным тянущимся медом и протягивает мне. Солнце золотит подоконники, столешницу, покрытую белой скатеркой, румяные хлеба на ней. До сих пор снятся эти запахи. За всю жизнь, кажется, не пробовала ничего более вкусного, чем этот ржаной ломоть, поданный рукой отца...

**Пускай расскажут ветераны,
Пораздвинув толщу лет,
Как, затянув потуже раны,
Они на первый шли совет.**

**Какие их обуревали
Дела вблизи, мечты вдаль,
Какие планы плановали
Они для тоемской земли.
Какие здания рубили
Для новой жизни сообща,
Какие сказки говорили,
Придя с работы, малышам.**

**Пускай расскажет речка
Тойма,
Пускай поведаст Двина,
Как на скаку твой конь был пойман.**

**На песне сорвана струна:
Оставив дом на пряху-ткаху,
На мать-старушку, на жену,
Твой лесоруб, косарь и пахарь
Уйдет на страшную войну...**

Война безжалостно откинула жизнь назад, в прошлое. И я тоже оказалась в избе, из которой вышли мои деды и прадеды: березовая лучина, прокопченных стен почти не видно, дым выедает глаза, и мы с братишками лезем под кровать, куда, может быть, еще не успел проникнуть дым, и царапаем ногтем белые от инея.

давно не конопаченные, промерзшие стены.

**...Что мы пьем, едим,
Разглядеть нельзя:
От лучины дым
Выедал глаза.
А остатки слез
Выжимал мороз.
Он из них, прохвост,
Понаделал звезд.
И забросил в высь,
Чтоб нельзя достать:
Путь глядит на жизнь
Через звезды мать,
Через звезды сын,
Через звезды дочь,
Сирым и босым
Чем еще помочь...**

Вопрос второй: не будь Ленинской народной власти, смогли бы мы выжить в такую войну? Вряд ли.

Колхоз, чем мог, помогал осиротевшим многодетным семьям, наподобие нашей. А «Медаль материнства», выданную маме в райцентре, подкрепили записочкой к председателю колхоза с разрешением выдать десять килограммов зерна. В то время это было почти спасением. Мать, хорошо знавшая по школе уроки закона божьего, обронила как-то соседкам, при ней заговорившим о боге:

— Да никакого бога нет. Если бы он был, всемогущий, справедливый, разве бы он допустил такую войну...

Исхудавшее лицо. Иссохшие, изработанные руки. Страдающие без искры радости глаза. Но я люблюсь и горжусь мамой. Как и миллионы советских людей, она вынесла все тяготы и подняла нас.

...Я закончила семь классов сельской школы, затем архангельское медицинское училище. После года работы фельдшером поступила в Литературный институт имени Горького при Союзе писателей СССР. Литературная судьба сложилась счастливо: после первого же сборника стихов, выпущенного издательством «Молодая гвардия» меня приняли в члены Союза писателей. С тех пор вышло 15 сборников стихов.

**Себя в себе полузапратавши,
Она к парадности глуха...**

Так сказал о моих стихах поэт Сергей Смирнов. Он прав, у меня действительно нет стихов открыто публицистических. Пишу лирику, пишу только о том, что глубоко тронуло душу, не минуя и острых углов современной жизни. Судя по добрым отзывам читателей, люди меня понимают. Большое счастье читать такие письма. Однако я никогда не забываю, кем и когда оно подготовлено и обеспечено.

МНЕ хорошо жилось во время учебы в Москве, «где каждый камень Ленина знает...»

Мне отлично живется в Вологде, где успешно работает сильная и дружная семья советских писателей, окруженная заботой народа, трепетно болеющего за литературу.

Хорошо понимаю свою задачу: здание будущего, которое возводит советский народ, в немалой степени будет зависеть и от доли нашей работы. Хочется, чтобы она была как можно больше.

Ильич!

**Мне не забыть мгновенья,
Когда, приехав из полей,
В осенний день,
Свой день рожденья,
Я опустила в Мавзолей.
И увидав, не на плакате,
Давно знакомые черты,
Я вздрогнула: погибший тятя
Мне помнился таким, как ты.
Любимый Ленин!
Меж годами
Мелькают всякие года.
Но ты живой повсюду**

**с нами —
И там, где плавится руда,
И там, где пить пустыни**

**просят,
И там, где ждет людей Луна,
И там, где спелые колосья
И светлые головки льна.
Поем ли песню в турпоходе,
Случайный окружив родник,
Веселый юноша Володя —
И запевала, и шутник.
Сдавать готовимся экзамен —
И с нами ты опять не спишь:
Родными, умными глазами
По трудной теме говоришь.
На мир, взрослея, смотрим
строже,**

**В семье рабочих и жнецов,
Отцы на Ленина похожи,
А мы похожи на отцов.**

**Ольга ФОКИНА.
Лауреат Государственной
премии РСФСР
имени Горького.
г. Вологда.**